

*Евгений Михайлович ЗИМИН
(5 мая 1939, с. Оршанка Марийской АССР
– 26 января 2011, Пятигорск).*

Про Евгения уже писали. Позволю в своей работе привести два свидетельства. Одно – прямо сейчас – безымянно, авторство другого сохранию.

Итак, фрагмент первый.

«В 1970-х его стихи и рассказы публиковались в столичных изданиях, однако в 1980-м за посещение полуподпольного литературного клуба «Теплица» он был исключён из КПСС с обещанием Габрусенко, местно-партийного мастера культуры: «Вы будете раздавлены мощной социалистической машиной». Путь в именитые поэты преградили, однако в центральной печати стихи и проза иногда появлялись».

Ишь, как ярится партийный бонза. Понятно: отступник, предатель да ещё и прокрался в столичные издания и не дай бог, вырастет в именитые поэты.

А центральная печать – это журналы «Юный натуралист», «Кругозор», «Охота и охотничье хозяйство», один стишок в журнале «Литературная учёба» и участие в сборнике «Близок Крайний Север», о котором речь впереди.

Но и без ненужных романтических котурнов Евгений Зимин, как никто, заслуживает, чтобы его сохранили в благодарной памяти те, кто был с ним знаком и дружен. И чтобы хоть как-то узнали его не знакомые с ним при жизни.

Я услышал о нём в родной комнате общежития зимой 1967-68 годов. Надо бы навестить Женю Зими́на, говорили мои товарищи-старшекурсники. И ещё удивлялись: вы живёте в одном посёлке, как ты его не знаешь? Ну посёлок у нас и тогда был многотысячным. Но вот, когда мы сошли на большом шоссе (ведущем к Оби и далее на Север) и углубились в наше Тимирязево, я понял, что мы движемся в сторону родительского дома. И правда, двухквартирник, где жил Зимин, находился на соседней улице. Я плохо помню (или почти не помню) нашу первую встречу. Я наблюдал со стороны, как Гриша Воробьёв и Володя Бахтин живо и весело общались с таким же оживлённым хозяином.

Самое забавное случилось какие-то недели спустя: я вновь побывал в этом доме, но уже вместе со своим отцом и его ещё довоенным товарищем, прорабом-строителем Алексеем Георгиевичем. Так вот, Алексей Георгиевич был отцом Надежды – жены Жени (простите нелепый каламбур). Женя начал строить дом на другом краю посёлка, и Алексей Георгиевич, давно создавший новую семью, помогал Евгению добывать стройматериалы (тогда всё надо было добывать). В этот вечер мы выпили пару бутылкок, однако тёплое общение нас никак не сблизило.

Но сближение должно было произойти «с неизбежностью» (пользуюсь любимой фразой Стаса Божко). И таким местом стала комната общежития, куда Женя

принёс очередной рукодельный сборник стихотворений. Он в ту пору делал машинописные книжки на тонкой бумаге, чтобы пробить через копирку хотя бы экземпляра три-четыре. Там были стихи уже упомянутых Бахтина и Воробьева. Были и стихи самого Евгения. Они понравились мне свободной, естественной интонацией. В них было немало непринужденного юмора, чему я откровенно завидовал.

Работая воспитателем в детском санатории, он находил у своих подопечных способности к стихосложению, пестовал их, представлял опыты ребят в таких же самодельных книжечках. Он и мне сделал первый сборник, стихи я тогда писал плохие, вся моя беспомощность там налицо, печатный шрифт это подчеркивает.

Был в ту пору и еще один издатель, он учился на юрфаке – Виталий Полищук. Он продвигал в основном одного автора – Фёдора Госпорьяна. Несколько позже, когда мы подружились, издатель стал для меня Виталиком, поэт – Федей.

Вернусь, однако, к Евгению. Вот с той зимы мы стали встречаться и в общаге, и в родном посёлке, подружились. И мне открылись некоторые его природные способности, даже таланты.

Удивительно ловко скатывался Женя на лыжах с любой горы. Там, где мне надо было три раза кувыркнуться, прежде чем понять особенность горки, он съезжал сразу лихо и безоглядно. В одном логу я предложил ему такой спуск, где, пожалуй, устоять было сложно. Куда там! Ступил он на лыжню, понёсся вниз и взбежал на противоположный склон.

Нечто подобное происходило, когда мы отправлялись за грибами. Мало того, что я слепозар, так ещё и начисто лишен умения искать грибы. Иногда ведь нужно даже не увидеть, а почувствовать. Этим даром Женя обладал в совершенстве. Так что, надо сказать, из самолюбия, что ли, перестал я ходить с ним на грибную охоту.

А эта зоркость проявилась и таким образом. Как-то на исходе лета мы корчевали жилистую корявую сосну на участке нашего товарища Леонида Ивановича (он граничил с Жениным). Справились. И с устатку нагузились алкоголем чрезмерно. Я заснул у костра, но к ночи, гонимый холодом, перебрался к Жене в избушку. Наутро обнаружилось, что я потерял очки. Мы с Леонидом стали их искать. Понятно, искал он, а я слонялся рядом. Безуспешно. Скрасили пропажу небольшой дозой, но расстроился я донельзя. Появился Женя, узнал ситуацию, определил район поиска и вскоре подал мне мои окуляры.

Женя занимался изготовлением вина из смородины, черноплодной рябины, а я в те годы был активным потребителем. Иногда, поняв, что слишком засиделся в гостях, я поднимался идти. А Женя, если ему хотелось ещё посидеть, доставал откуда-то из-за спины кувшинчик со своим домашним вином и приговаривал, плутовски улыбаясь: «А я вот магнитик на стол поставлю». И общение наше продолжалось.

Был он человеком удивительной доброты. Она простиралась на всех, что порой вызывало у меня недоумение или даже досаду. Он добродушно отшучивался.

Но кое-что в натуре Жени сочеталось прямо-таки парадоксально. Любил окружающий бор со всей его живностью, любил своих собак. Помню имена двух: Бам и

Чара. Но вот как-то я увидел на нем именно собачью шапку. «Откуда?» – спросил я. И Женя с гордостью рассказал, что сам отстрелял пару бродячих собак, ободрал и выделал шкуры. «Хотелось попробовать, сумею ли», – объяснил он. Сумел.

Вообще, хозяйственные штуки он любил. От него я и слышал «мездра», «квасцы», «рассол». Он умел коптить сало на жарком дыму полешек из черёмухи. Вкуснее я не пробовал. Он умел штукатурить, выкладывать пол плиткой, рубить чашки на углах сруба из круглого леса и выбирать пазы.

Когда я сделал пристрой к своему домику на улице Школьной, Женя фантастически классно оштукатурил общую с моими соседями стену – любо-дорого посмотреть.

Помню, как слушая какую-нибудь историю, в том месте, где она казалась ему завиральной, он прерывал рассказчика кратким восклицанием: «Иди ты!».

Сюда неплохо привязывается одна из «бывальщин» Стаса Божко. В кавычках потому, что они обычно бывали сентиментально-антисоветскими (и такое возможно).

В Нижнем гастрономе в длинной очереди за сливочным маслом стоит Евгений. Стоит, мается, но смирился. Все мы так простаивали по часу или около того. Хорошо, находились в очереди свои, было о чем поговорить. Можно и книжку почитать, но что-то простое, потому что шум стоял и конфликты возникали – не до серьезного чтения. Стоит Евгений, медленно приближаясь к вожделенному прилавку. Вот уже каких-нибудь два человека до весов, и тут девушка в белом халате спокойно и безжалостно объявляет: «Всё. На сегодня масло кончилось». Последняя фраза Божка в этом рассказе была: «И заплакал старый».

Общения со стихами тоже было много – и зимой, и летом. И долгие годы.

Теперь, в новое время и в мои преклонные годы, конечно, легче судить об искушениях, которые подстерегали сочинителя-стихотворца той давней, советской поры. У меня, слава богу, был друг Толик Перервенко, при котором участие в тараканьих бегах (т.е. желание где-то непременно напечататься) было постыдным. Да и сам я потом в этом укрепился, пообщавшись с так называемыми писателями. Женя эти медные трубы не преодолел. Сильно поманили его печатные страницы после какого-то семинара. Зачастил в район города, именуемый Каштак: там жили некоторые писатели земли Томской. Даже стишок сложил, который начинался:

*Говорю жене я так:
Завтра еду на Каштак.*

Далее зарифмовывались удостоенные лестных эпитетов литераторы с Каштака. Леонид Иванович, пронизательный человек, сказал с усмешкой, что «Женя покатился в нужном направлении».

Мы со своим отторжением официоза его не понимали. Но Женя ходил, дружил...и попал-таки в какой-то коллективный сборник, потом на страницы второсортного, но столичного журнала. В общем сборнике сочинителей народов Севера предстал он с припиской после своей фамилии «Евгений Зимин, ханты», уверяя

нас, что есть в его крови и хантыйская. Забавно, что он не выглядел в наших глазах отступником, потому что проделывал это простодушно и открыто. Иногда Толик Перервенко иронизировал над его желанием «выйти в люди» с помощью литчиновников, но не более того.

Один из местных мэтров всё пытался рассорить Евгения со мной, уверяя, что нет и не может быть у нас ничего общего. Но и ему Женя не внял, оставаясь, что называется, над схваткой.

Этот патриарх томской словесности Борис Климычев, вспоминая Женю благо-склонно в своих заметках, повествует, что выговаривал ему, зачем он общается с пустым и заносчивым Крюковым, на что ему Женя якобы извинительно отвечал: «А с кем там ещё в нашем поселке общаться?». Я вполне верю Климычеву, думаю, Женя подыграл старику, это не показалось ему неловким.

Да вот лучше без пересказа прямой текст из климычевского «мемуара»:

«А такие, как Крюков, меня не интересовали. И дело не только в том, что мои детство, отрочество, юность пришлось на репрессии и войну, а Крюков принадлежит к совершенно иному поколению людей, которые спокойно окончили школы и без проблем поступили в вузы. Меня отвращали его претензии на элитарность, на особый флер. Я в такие годы пережил иную, более суровую романтику и на ином уровне. Правда, где-то возле Крюкова обретался Женя Зимин, который меня заинтересовал. Потому что это самобытный поэт и скромный по натуре человек. Наша дружба с Евгением Зиминим продолжается до сих пор, хотя он и живет теперь в Пятигорске.

Вспоминаю, как в один промозглый день Женя пригласил меня зайти в ставшую ныне уже пресловутой теплицу. Там, мол, можно погреться, побеседовать, а может, и винца выпить. Но я отказался. И вовсе не из-за осмотрительности. Я и представить тогда не мог, что в обкомовской теплице читают какую-то нелегальщину, за которую потом этих читателей начнут преследовать органы. Но я предположил, что там будет и Крюков, ведь он был тогда как бы ментором Зимина. Я подумал, что Крюкову будет так же неловко и скучно со мной, как и мне с ним. И еще посетовал: не перенял бы Женя от ментора стремление к помпезности и высокопарности. А Женя пояснил, что в Дачном городке ему кроме Крюкова и обратиться со стихами не к кому. В моем ЛИТО Женя был редким гостем: он был болен, к тому же был обременен семьей и большим домом на краю поселка, возле обширного болота».

(Не знаю за собой помпезности и высокопарности. Сказал бы: со стороны виднее, но с Борисом Николаевичем мы не общались. А с Женей как раз общались вполне на равных, товарищески, какое тут менторство.

Последнее предложение просто замечательно. Семья у Жени была из четырех человек – кроме него жена, сын и мама, которая брала на себя хозяйственные дела. Быть обременённым большим домом каждый из нас тогда просто рад был бы – да и не такой уж большой дом построил Женя. Обширного болота, кстати, не было вовсе, оно давно высохло, не зря тут строились люди, и земля эта стала огородами для жителей. Правда, улица называлась Болотная, отсюда, видимо, и простёрлась писательская фантазия).

Недавно, листовая сборник стихов о Томске, подготовленный Женей перед смертью, вижу плоды просвещения, созревшие в каштаковских квартирах. Ужасные декларации, пресловутые признания в любви «старому, но вечно молодому» городу. И в этой же папке лежат несколько стихотворений, не входящих в предполагаемую книгу, под одним из которых, из самых, кстати, моих любимых («Разговор в вагоне») – резюме рукой Жени: «Неудачное стихотворение». И еще два-три замечательных, тоже не включаемых в основной текст.

Мне жаль, что Женя недооценивал свои ранние стихи, изобретательные, с хорошим чувством юмора. Он не взял их в свои сборники. И мы тоже не сберегли. Так вот оно бывает.

Замечательно читал он свои игровые стишки, которым не придавал должного значения. Обидно, они были достойны сохранения:

*И из города Сочи
привезёт тебе сочень,
вку-у-усный очень!
Уж такой расхохочень!*

Слава богу, что многие стихотворения Жени были написаны до тесного общения с «профессионалами», да они и не смогли победить его самобытность, и некий внутренний голос диктовал ему лучшие строки.

Ещё одно мнение. Николай Серебренников, филолог и вузовский преподаватель:

«И когда Зимин говорил верлибром, и когда ребячился с рифмами, и когда пробовал себя в трёхстишиях – у него это не выглядело деланным. Даже в последнем сборнике («Горлинка»: СПб., 2010), написанном от лица женщин, он остался естественным, ведь, как сказано в его предисловии, писала ж «стихи от имени мужчины Зинаида Гиппиус, осваивая другое поле, наблюдая страсти сердца и духа со стороны». Жалко, что среди изданных им двенадцати книжек не оказалось сборника «Я», который он хотел дать от лица вещей и животных: «Я веник...», «Я комод...» (кое-что из этого цикла затерялось в томской районке «Правда Ильича»). Поэтическая непосредственность играла столь большую роль, что ранние варианты у Зимина смотрятся лучше, чем поздние: он, как говорят художники, «зарисовывал» прежде полотно. Но в любом случае он узнаваем».

Мы знали, что Женя нездоров, что не зря выписана ему инвалидность, но никогда не видел я его ноющим и недомогающим. Когда было плохо – лежал в больнице. Выходил и снова был среди нас бодрым, с искорками в молодых глазах.

Жизнь повернулась так, что семья Жени перебралась в Пятигорск. Он вписался в тамошнюю литературную жизнь. Говорю это, опираясь на свои впечатления. Мы с женой навестили его в кавказском далеке, сидели на занятиях местного литературного объединения. Тогда, в начале 90-х, там быстрее, чем у нас организовались частные издательства, и Женя напечатал несколько тонких книжечек. Он называл их «брошюрки».

Погода тем летом была необычна, удивительна. С утра сияло солнце, к обеду быстро собирались тяжёлые тучи, шёл проливной дождь, через несколько минут небо очищалось. Вечером под ясными звёздами мы прогуливались во дворе, беседуя о разном. Ночью грохотал гром. Просыпаясь, я видел, как вспыхивают, сменяя одна другую, молнии. Но утро вновь было «молодое и свежее», как в записках Печорина. И мы приходили к домику, где квартировал Лермонтов, пили в парке из источника минеральную воду.

Через несколько лет Женя Зимин прислал мне приглашение на Всероссийский Лермонтовский праздник поэзии, который проходит ежегодно в городе Пятигорске с 14 октября. Независимая ассоциация писателей Кавминвод призывала: «Просим Вас прибыть заранее, чтобы принять участие в обширной праздничной программе», но оговаривала, что не располагает денежными средствами и просит приехать за свой счёт или при поддержке спонсоров.

Во-первых, письмо чуть не вернулось в Пятигорск. Я получил его с наклейкой на конверте «Дом продан. Адресат выбыл». Всё так и было. Трагическое событие в семье заставило нас поменять место жительства. Слава богу, кто-то из почтарок знал, что мы выбыли недалеко, на другой край посёлка.

Женя сопроводил приглашение небольшим письмом.

«Приезжай ради бога! Всё способствует тому, чтобы мы погуляли по Пятигорску. Погода хорошая, кафе и пиво, фрукты и чудесный курортный город в ожидании праздника. Правда, иногда желания не совпадают с возможностями, но тут уже я не в силах (но тебе обещали помочь в этом деле). Захвати рукопись, мы съездим в Новопавловку и издадим твою книжечку. Здесь это дело не так дорого, как у вас. Я так думаю. А как оно на деле – приедешь и увидим.

У нас всё по-старому. Надежда работает. Лизочка (дочь Жени, поздний его ребёнок) пошла в школу. Я кручусь по хозяйству. Прибрал овощи и фрукты, сделал вино, продал картошки и чеснока на полторы тыс. Сижу над рукописью. Всем большой привет, всех благ и здоровья. Евгений. 19 сентября 1999 года».

Но поддержки, на которую я рассчитывал, оказано не было, а лишними деньгами мы не располагали. Поездка не случилась.

На другой год, весной, я отправил ему бандероль с книгой, которую удалось издать здесь, в родном городе.

И получил в ответ письмо:

«Здравствуйте, дорогие Володя, Ольга и все друзья и знакомые. Получил от тебя (от вас, будет точнее) подарок ко дню рождения. Какой это прекрасный подарок! Сразу же, несмотря на то, что недомогаю, увлёкся чтением. Как всё это знакомо и как уже далеко. А когда я читал про дом и про Парамона, не мог сдерживать слёз. Старый я уже. 5 мая мне будет шестьдесят один год. Свою жизнь в Городке (так по старинке величают Тимирязево – В.К.) вспоминаю как причудливый сон. Иногда я вижу явственно шершавые сосны, своих собак. Кричу им: «Бамуля, Чара!». Ничем не отвечает пустота. Всё прошло. Иногда перед сном увижу тебя на велосипеде, у костра Андрюшу Сагалаева, Лёху, и начнут все толпиться. Да гоню я видения эти прочь. Старый я стал и сентиментальный. Сердце начинает щемить, а в тех местах, как ты пишешь, «уже другие шляются по лесам. Видимо, начинается новая полоса». Да не «видимо», а точно.

Ладно, не буду я тревожить эти пласты, а расскажу о том, что жизнь наша течёт обычно и непритязательно. Город утопает в зелени и цветах. То прошумят грозы, то засветит солнце – ещё не злое. В городе понастроено бесчисленное количество всяких забегаловок, очень уютно. Город, конечно, не вобрал всю земную красоту, но здесь, несомненно, после Томска райский уголок. Как бы я хотел с вами встретиться, други мои! Ощутить вашу Линию Ветра (так называлась моя книга – В.К.).

Надежда топчется на кухне. Скоро Родительский день – Радоница. Мы похоронили осенью тещу – Елизавету Николаевну. Каким хорошим человеком она была, и Господь дал ей лёгкую смерть. Встав утром на молитву, молясь, она умерла без мучений. Вот и топчется Надежда, чего-то там печёт. По радио Макаревич поёт: «Не надо прогибаться под изменчивый мир...». Лизочка наша ещё спит. Она заканчивает 11 классов. Встаёт солнце. Дует ветер. Конечно, я понял: «мне не хватает моих товарищей, и я не могу вообразить их рядом» (фраза из моего рассказа – В.К.). Но всякое бывает. Может быть, кто-нибудь откроет неожиданно дверь, и у меня выпадет стакан из рук. До свидания. Ваш Евгений».

Нет, больше не довелось мне открыть дверь пятигорского дома. Но Женя прилетал в Томск, всё-таки здесь жили и живут его сёстры. Вот вместе с ними мы как-то хорошо посидели в моём доме, много смеялись, какие-то весёлые темы возникали в разговоре. В другой раз наш товарищ Юра Шумилов, когда-то сосед Жени, собрал нас за столом харчевни под открытым небом, где реял запах шашлыка, а рядом высились сосны нашего тимирязевского бора. Женя запомнился мне почему-то немногословным, задумчивым.

26 января 2011 года Лариса, сестра Жени Зимина, сообщила о его смерти в далёком Пятигорске. И весь день вспоминался мне Евгений: то дурашливые его строчки, то серьёзные, то посиделки наши, то прогулки...

СТИХИ ЕВГЕНИЯ ЗИМИНА

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

(ранний вариант)

Я пёс бездомный. Забегая в дворик,
Лижу блевотину и пьяного лижу,
И если лапу перебьёт мне дворник,
За урною оплёванной лижу.
А в небе солнце – будто крови лужа,
И у прохожих стонут сапоги,
В глазах снежинки фиолетовые кружат,
И мучит запах – где-то пироги.
Но всё забуду, когда в стае шумной
Промчится сучка рыжая – в лису,
И пахнет хвост её так сладостно-безумно,
Что я бегу за ней и псов других грызу.

ТИШИНА В ДАЧНОМ ГОРОДКЕ

За домом, в Дачном городке,
На землю шишку скинул ветер.
Доверил чувства все строке
Я в беззаботный этот вечер.

Глядит Вселенная в окно,
И только мёртвый не услышит,
Как в речке шепчутся давно
Волна с волной и влажно дышат.

Сошлись во мне земля и высь,
И звук шагов, и шелест жита.
Как хорошо, что эта жизнь
Не до конца ещё прожита!

* * *

– Не поедешь! –
мне мама сказала.
– Сумасшедший! –
сестрёнка сказала.
– Недотёпа! –
соседка сказала.
Поругали
и вкось, и впрямь.
Проводили меня
до вокзала.
Мать сказала:
– В отца упрям.

ПИЛА НА ЛЕСОПИЛКЕ

Разделявая дерево на плахи,
Пила на лесопилке за рекой
То порождает, взвизгивая, страхи,
То переходит с визга вдруг на вой.

Вот отсекает дереву вершину,
Плывёт обрубок медленно на стол.
Вгрызаясь злобно прямо в сердцевину,
Пила легко распарывает ствол.

Тесин сырых разделанная масса
С сочащимися струйками смолы,
Как груды напластованного мяса,
Конвейером плывёт из-под пилы.

Щекочет ноздри ароматный запах,
Там ругань, топот, шарканье метлы.
Скрипят плоты, и долго стонет запань,
А выше всех – надсадный крик пилы.

РАЗГОВОР В ВАГОНЕ

– Ты слышал о режиссёре Тарковском?
– О каковском-таковском? Хреновском?
– Не скажи, он классный специалист!
– Да что ты! Он махровый сурреалист...

– Ну, ты рубишь сплеча. Он в законе!
– Эй, кто там кого? Кто в загоне?

Вот такой разговор едет в вагоне.

– А ты знаешь, кем был Михаил Ромм?
– Только чушь не пори, говори ладом.

– Михаил Ромм своим умом и трудом
Создал фильм про «Обыкновенный фашизм».
В добро верил Ромм, и хотел он потом
Создать фильм «Необыкновенный фашизм»
Про страшный, страшный фетишизм...

Вот какой разговор едет в вагоне,
В папиросном дыму, в бутылочном звоне,
По узкоколейке на лесосеке, среди работяг,
Меж топоров, бензопил и промасленных фляг.

Где прокуренным ртом хватают водку со льдом,
Где храпят, как мотор, и порядок вверх дном.
С большим трудом покидаю на колёсах дом,
В котором, мне кажется, едут Тарковский и Ромм.

НОЧЬ

Из угла,
где веник всё время стоит,
вечером
кто-то чёрную лапу высунул.
Это ночь.
У-у-у, зверина!
Как ты там очутилась,
обмякшая, тёплая, грузная?